

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ СЕМИНАР СЕКТОРА ЭТИКИ

13 июня 2019 – 15:00

Зубец Ольга Прокофьевна

Снова об этике после Аушвица

Аннотация доклада

1) Несколько лет назад я делала доклад на нашем теоретическом семинаре под названием «Этика после Аушвица». Почему я снова возвращаюсь к этой теме? Для этого есть, по крайней мере, две основные причины:

а) Тот, кто воспринимает эту тему всерьез – уже не может покинуть ее поле: она с неизбежностью становится сердцевиной всех философских размышлений.

б) По ряду замечаний коллег и по ряду решений я могу определенно сделать вывод, что не была понята в прошлый раз. *Этика после Аушвица* – это не одна из этик, наряду, например, с феминистской или этикой успеха, она несоизмеримо превосходит их, она и есть современная моральная философия.

- это не хронологическое понятие

- это не мной придуманное понятие, а широко известное в мировой мысли, объединяющее не только ряд существеннейших философско-этических вопросов, но возникшее и каждый раз вновь возникающее из сомнения в возможности мыслить моральное и говорить о морали.

- это исключительно значимое понятие, что для очень многих является очевидным настолько, что им весь пафос моего доклада показался бы излишним, если не банальным. Но тем не менее здесь и сейчас я вынуждена снова обращаться к этой теме.

- *Этика после Аушвица* не только не осталась в прошлом веке, но интенсивно разворачивается сейчас.

2) Так как это уже второе выступление об этике после Аушвица, я не буду обращаться к обзору литературы (список которой не только сильно увеличился за прошедшие годы, но и подтвердил имена основных авторов): я

попытаюсь обозначить хотя бы несколько проблем, составляющих содержательное ядро этики после Аушвица.

3) Объединяющим для явлений культуры «после» можно считать понимание необходимости пересмотра собственных оснований. Для этики это предполагает попытку осознания невозможности существования ее в прежнем виде после столь явной дискредитированности и морали и философии морали. Невозможно не задать себе вопрос: не соучаствовало ли в Аушвице само нормативное устройство морали? чего вообще стоит мораль, если она мгновенно отступает при изменении социальных условий? Очевидно, что она не способна выполнять регулятивную функцию в масштабе общества и создает идеальный образ поступка, который осуществляется в единичных случаях (стоики), если вообще способен осуществиться (Кант). Каким языком пользоваться, если язык морали дискредитирован? В чем искать основания моральной философии тогда, когда она не может опереться ни на моральный язык, ни на явленность морали в человеческой деятельности?

Выделение *этики после Аушвица* носит условный характер в силу того, что все темы и проблемы «после», независимо от области знания или культуры, носят этический характер: столкновение с радикальным злом и есть то, что взламывает их традиционные формы и содержание. Слом произошел не в результате собственных внутренних познавательных проблем, но в силу столкновения с собственным злодеянием (бога, науки, искусства и самой морали): и это определяет совершенно исключительное, нерядоположенное место морали в культуре.

В самом общем виде можно сказать, что этика после Аушвица есть философско-этическая мысль, столкнувшаяся как с кризисом своих собственных оснований, так и с кризисом морали, обусловленным не только неспособностью предотвратить Аушвиц, но соучастием в нем как философии, так и морали, а также дискредитацией морального языка,

обесмысливанием большинства этических понятий и общим разрушением языка морально-этического рассмотрения: уходом в молчание в сфере морали и понятийной растерянностью в сфере философии. Исходным стал вопрос о возможности мыслить и возможности мыслить мораль тем, кто совершил Аушвиц (а включить некое явление в пространство морали возможно только в качестве собственного поступка). Более того, это философско-этическая мысль, столкнувшаяся со своей одинокой ответственностью за весь человеческий мир, за науку, искусство, язык и мышление (через понятие невысказанного).

В ситуации «после» теология главным образом пытается спасти идею Бога, право озабочено спасением процедуры - как судить, когда само право не дает возможности судить, социология ищет собственное спасение в отказе от образа чистой науки, в моральной философии философ занят вопросом о спасении самого себя (а в этой форме – и о спасении человека), своей возможности мыслить и поступать (к этому утверждению прошу отнестись не как к эмоциональному образу, но буквально и серьезно). Позвольте обозначить некоторые, на мой взгляд – ключевые проблемы, которые он не может не задать самому себе:

- а) Молчание и крик - возможно ли говорение о морали после Аушвица?
- б) Как возможно мышление, если есть невысказанное?
- в) Возможно ли свидетельство (нарратив, наблюдатель) о радикальном зле?
- г) Что есть мораль и этика перед необходимостью очиститься от права?
- д) Что есть человек при невозможности различия человека и нечеловека?
- е) Что я должен делать в свете нового категорического императива Т. Адорно?
- ж) Что я должен делать, если мораль противостоит социальности?